

БИБЛИОТЕКА ФЛОРЕНТИЯ ПАВЛЕНКОВА
ИСТОРИИ ЖИВЫЕ ЛИЦА

Библиотека Флорентия Павленкова. Истории живые лица

Евгений Соловьев

**Вольтер. Гегель.
Шопенгауэр (сборник)**

«РИПОЛ Классик»

УДК 82-94
ББК 83.3

Соловьев Е. А.

Вольтер. Гегель. Шопенгауэр (сборник) / Е. А. Соловьев —
«РИПОЛ Классик», — (Библиотека Флорентия Павленкова.
Истории живые лица)

ISBN 978-5-386-08409-7

Флорентий Федорович Павленков – легендарный русский книгоиздатель, переводчик и просветитель, или, как нынче принято говорить, культуртрегер. В 1890 году он придумал и начал издавать свою самую знаменитую серию «Жизнь замечательных людей». При жизни Павленкова увидели свет 191 книга и 40 переизданий, а общий тираж превысил миллион экземпляров. Это была, по признанию многих, первая в Европе коллекция биографий, снискавшая колоссальный успех у читателей. Изданные 100 лет назад почти 200 биографий знаменитых писателей и музыкантов, философов и ученых, полководцев, изобретателей и путешественников, написанных в жанре хроники, остаются и по сей день уникальным информационным источником. В книгу вошли биографии известнейших философов-просветителей XVII–XIX веков – Вольтера, Гегеля и Шопенгауэра.

УДК 82-94
ББК 83.3

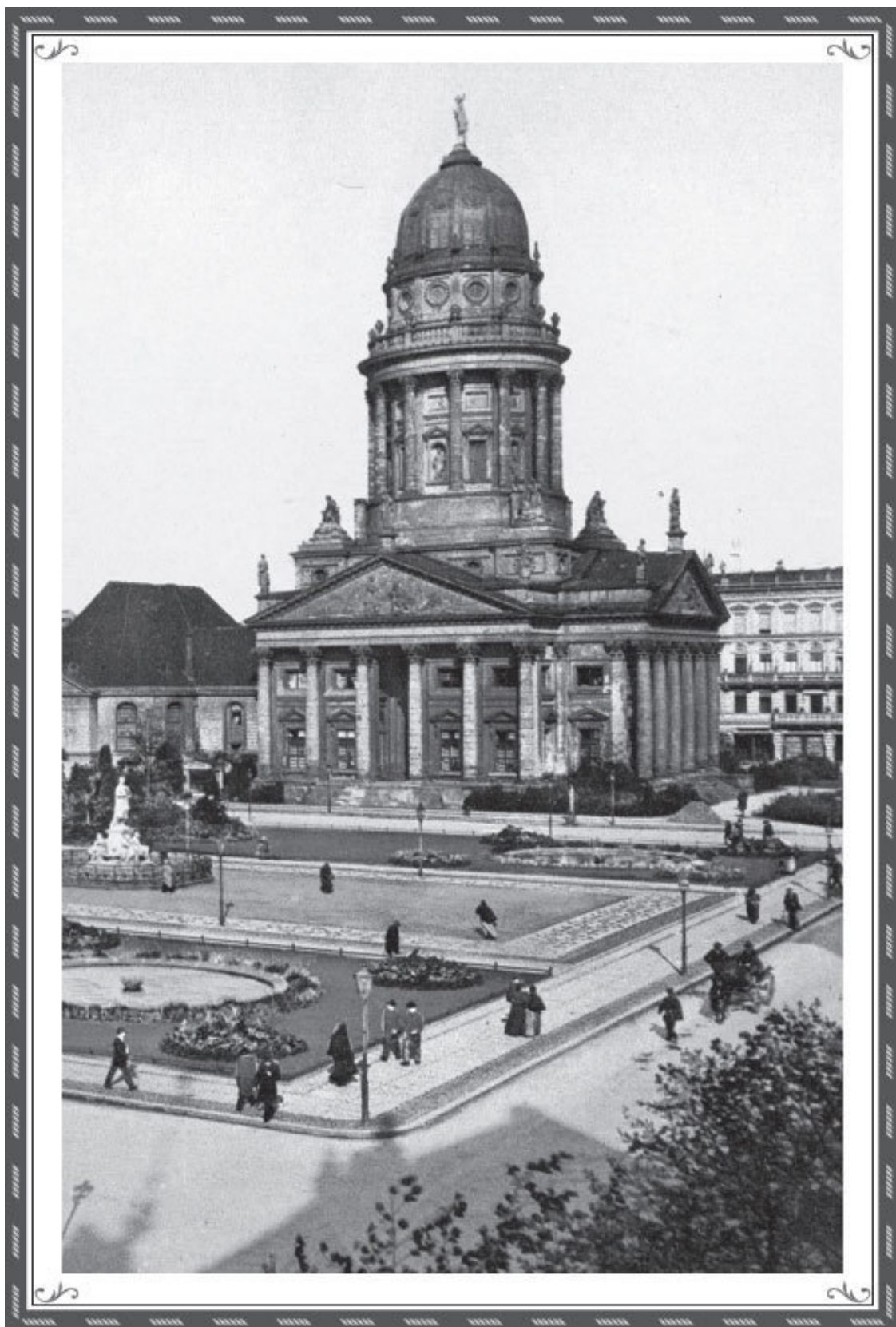
ISBN 978-5-386-08409-7

© Соловьев Е. А.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Вольтер, его жизнь и литературная деятельность	7
Глава I	7
Глава II	16
Глава III	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

И. М. Каренин, Е. А. Соловьев, Э. К. Ватсон
Вольтер. Гегель. Шопенгауэр

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

***

Вольтер

Другая сторона английского строя, почетное положение, занимаемое там богатой торговой буржуазией, тоже произвела сильное впечатление на Вольтера. Заметив в своих «Английских письмах», что английские коммерсанты гордятся своим занятием и что младшие сыновья пэров ничуть не стыдятся участвовать в торговых операциях, Вольтер говорит, что во Франции каждый дворянин, ничего не имеющий, кроме громкой фамилии, может твердить: «Человек, как я!», «Люди моего звания» – и относиться с великолепным презрением к коммерсантам. Последние тоже имеют глупость сами себя стыдиться. «Я не знаю, однако, – заключает Вольтер, – кто полезнее государству: напудренный сензор, знающий с точностью, в котором часу ложится и в котором встает король, или негодянт, который обогащает свою страну, посылает из своего кабинета приказы в Сурат и Каир и содействует счастью всего мира».

Гегель

Гегель прямо говорит: «Германская жизнь не может оставаться в том состоянии, в каком находится теперь, потому что все существующее потеряло уже всякую силу и всякое достоинство, превратившись в явление чисто отрицательное».

Что же с этим делать? Так ведь жить нельзя: «ведь в тех, кто разработал внешний мир до степени идеи (попросту – понял его), есть жгучая жажда жизни; такие люди чувствуют потребность выхода из идей в жизнь». Однако обстоятельства времени заставляют сосредоточиться исключительно на внутренней жизни, «а состояние человека, – говорит нам сам Гегель, – которого обстоятельства времени заставляют уединиться во внутренний мир, может быть уподоблено только непрерывному замиранию...». Тяжелое это чувство, особенно для того, у кого есть жажда жизни, есть стремление выйти из этой идеи в действительность!

Шопенгауэр

«Всюду и во всякие времена, – говорит Шопенгауэр, – существовало сильное недовольство правительствами, законами и общественными учреждениями, но происходило это по большей части вследствие того, что люди всегда готовы свалить на правительства, законов и учреждения ответственность за зло, неразлучно присущее человеческому существованию, послушать некоторых велеречивых демагогов.

Мир сам по себе, по своему устройству, прекрасен, создан для всеобщего счастья и благополучия; все же, что встречается дурного в этом прекраснейшем из миров, они приписывают правительствам: если бы последние делали то, что им следует делать, то на земле было бы царствие небесное, то есть все люди могли бы без всякого труда и усилий есть, пить, множиться и умирать, сколько душе угодно».

Вольтер, его жизнь и литературная деятельность *Биографический очерк И. М. Каренина (Веры Засулич)*

Глава I

Детство и молодость Вольтера. – Бастилия и первые литературные успехи. – «Генри-ада»

Франсуа-Мари Аруэ, будущий Вольтер, родился в образованной и зажиточной буржуазной семье, достигшей этого положения медленно и постепенно усилиями нескольких поколений. В XVI веке предки Аруэ были еще простыми кожевниками в Пуату; в первой половине XVII века дед Вольтера оказался уже крупным торговцем сукнами в Париже. Он дал сыну солидное образование и в 1666 году ликвидировал свои дела. Из рядов промышленной и торговой буржуазии семья Аруэ перешла в ряды служащей буржуазии, чиновников и леги-стов, близко соприкасавшейся с дворянством. Сын торговца сукнами сделался нотариусом, а впоследствии приобрел должность в государственном казначействе. Он женился на дворянке, не отличавшейся скромными домашними добродетелями старой буржуазии, но сумевшей сделать дом нотариуса приятным для его знатных клиентов. Он вел дело Сен-Симонов, Сюлли,

Комартэнов и пользовался их благосклонностью. Герцог Ришелье крестил его старшего сына. Меньшему, будущему писателю, родившемуся в ноябре 1694 года, судьба послала в крестные отцы аббата Шатонёфа, оказавшего значительное влияние на его воспитание.

Веселый, светский аббат, не имевший с религией ничего общего, кроме получения доходов, был старым знакомым жены нотариуса и другом его дома. Он заинтересовался своим бойким крестником и занялся по-своему его духовным воспитанием. Еще совсем маленьким он заставлял его заучивать «Моизиаду», модное в то время скептическое произведение некоего Лурде. Можно с уверенностью сказать, что ребенок раньше ознакомился с нападками на религию, чем с ее учением. Еще до поступления в училище мальчик преследовал своего старшего брата эпиграммами на его благочестие. Лет 10–12 он уже представлял собою миниатюрного «вольнодумца», и Шатонёф был не прочь похвастаться своим воспитанником перед знакомыми. Он возил его к своей старой приятельнице Нинон де Ланкло, мирно заканчивавшей в это время свою бурную жизнь, пользуясь общей симпатией оппозиционно настроенного общества. Мальчик, никогда не отличавшийся застенчивостью, продекламировал ей «Моизиаду», успел выказать свои блестящие способности и так понравился умной старухе, что она оставила ему по завещанию две тысячи франков на книги. Вольтеру было семь лет, когда умерла его мать. Десяти лет отец отдал его в коллеж Луи-ле-Гран, где под руководством иезуитов воспитывались дети аристократов. Воспитанники, принадлежавшие к наиболее знатным родам, жили там на особом положении: каждый имел отдельную комнату, особого воспитателя и собственного лакея для услуг его маленькой особе. Остальные воспитанники довольствовались одной комнатой и одним воспитателем на пятерых. Вольтер не пользовался, конечно, никакими привилегиями, но это не могло задевать его самолюбия, – он отличался в другом отношении. Благодаря своим способностям, а в особенности умению писать стихи, юный школьник очень скоро сделался маленькой знаменитостью коллежа. Он писал рифмованные строчки и на заданные темы, и для собственного удовольствия, а лет двенадцати уже переводил стихами Анакреона и написал трагедию. Об одном стихотворении юного автора заговорили даже в Париже и Версале. Это было прошение в стихах, написанное им для старого инвалида, желавшего получить от дофина денежное вспомоществование.

Вольтер и в коллеже не только не уронил своей репутации вольнодумца, а, напротив, приумножил ее, и его вольнодумные выходки были, по-видимому, известны самим воспитателям. По крайней мере, первый биограф Вольтера, Кондорсэ, а за ним и другие приводят слова отца Лежэ, предсказывавшего своему воспитаннику, что он «сделается главою французских деистов». Нельзя не заметить, что подобное предсказание могло скорее поощрить, чем испугать такого ребенка, про которого другой его воспитатель, отец Паллу, говорил, что он «пожирал жадной славой». Несмотря на все это, Вольтеру недурно жилось у отцов-иезуитов; они поощряли его поэтический талант, и с некоторыми из них у него навсегда остались добрые отношения. Учился он вообще прекрасно и на экзаменах получал первые награды. Много прочных дружеских связей завязалось у него и со школьными товарищами. Вместе с ним учились и остались его приятелями братья д'Аржансон, которые оба были впоследствии министрами. Близкие отношения сохранились у него и с Сидевилем, ставшим потом парламентским советником в Руане; но самым близким, самым дорогим другом всей его жизни остался граф д'Аржанталь, «ангел-хранитель», как называл его Вольтер за неусыпную заботливость, с которой тот всегда относился к интересам своего беспокойного друга.

Шестнадцати лет Вольтер окончил курс и снова попал под преобладающее влияние Шатонёфа. Юноша испытал уже нечто вроде авторской славы, был уверен в своем поэтическом даровании и твердо решил посвятить себя литературе. Отец его считал такое занятие равным полнейшему безделью и верным средством умереть с голоду. Он определил сына в школу правоведения, но варварский жаргон старых французских законов оскорблял литературный

вкус Вольтера и внушил ему полнейшее отвращение к выбранной для него отцом карьере. Он совсем не занимался и проводил все время в обществе, в которое ввел его аббат Шатонёф.

Это было избранное светское общество, отличавшееся оппозиционным духом особого рода. К нему принадлежало немало титулованных особ: герцоги Сюдли, принц Конти, маркиз де ла Фар, а главою общества считался герцог Вандом, попавший, впрочем, в ссылку ко времени первого вступления в свет Вольтера. У этого общества была своя определенная окраска, делавшая его неприятным королю. Полнейший скептицизм его членов в области религии и нравственности, насмешки над ханжеством, господствовавшим тогда при дворе, вызывали неудовольствие Людовика XIV. В большей или меньшей степени, все это были «фанфароны порока», как называл старый король будущего регента. В этом-то обществе и зародился тот дух, те нравы, которые стали известны впоследствии под именем «нравов времен регентства». Особую пикантность придавало вольнодумству этого общества то обстоятельство, что большинство его членов принадлежало, подобно Шатонёфу, к духовенству.

Только что появившийся тогда словарь Бэйля, который, опираясь на учение самой церкви, доказывал полное противоречие между разумом и религиозными догматами и, решая, по-видимому, спор в пользу догматов, предоставлял самим читателям выводить противоположное заключение, — пользовался большим успехом у людей, среди которых вращался Вольтер. Но мы ошиблись бы, если бы предположили в них вражду к религии, малейшее желание разрушать ее, распространять свои взгляды. Эти остроумные, образованные язычники не задавались никакими общими целями. Наслаждение признавалось ими единственной целью жизни. Единственным требованием, которое они себе ставили, их единственным правилом было: всегда сохранять хорошее расположение духа и шуткой встречать всякое несчастье.

В такую-то компанию попал Вольтер. Его живость, остроумие, дар писать стихи снискали ему всеобщее благоволение. Многие из членов этого общества были знатоками и любителями литературы и сами пописывали куплеты — по большей части игривого свойства во славу вина и женщин и в посмеяние напускной нравственности старого двора и особенно духовников придворных дам. Вольтер быстро вошел в тон своих по большей части пожилых собутыльников и не отставал от других, стараясь за развязностью выражений заставить забыть, что он еще почти ребенок. Не ровней был он этому обществу и в другом отношении. Он — буржуа среди дворян, а такое смешение сословий было еще новостью в конце царствования Людовика XIV. Но Вольтер этого нимало не чувствовал и тотчас поставил себя со всеми на равную ногу с той самоуверенностью, которая никогда не покидала его, с какими бы высокими особами ни сталкивала его судьба.

Не заглядывая в школу, мало бывая дома и проводя почти все время то у Сюдли, то в других аристократических домах, Вольтер был совершенно доволен своей судьбой; но зато отец был очень недоволен его бездельем и образом жизни. Чтобы вырвать сына из светского общества, он придумал послать его в Гаагу к французскому посланнику в Голландии маркизу Шатонёфу, брату тогда уже умершего аббата. Но это насильственное удаление из Парижа было непродолжительным. Скоро — и опять против собственной воли — Вольтер был возвращен к отцу. В дело замешалась любовь к одной соотечественнице, Олимпии Дюнуайе, быстро окончившаяся, по просьбе матери его возлюбленной, высылкой влюбленного поэта из Гааги. Первое время Вольтер ведет из Парижа тайную переписку с Олимпией Дюнуайе и строит всякие планы; но сама барышня, бывшая и старше, и опытнее его, скоро утешилась с другим, а потом вышла замуж. Встретивши ее несколько лет спустя в затруднительном положении, Вольтер отнесся к ней самым дружеским образом и помогал, чем мог. Вернувшись в Париж, он повел прежний образ жизни, но отец окончательно вышел из себя, прогнал сына из дому и замыслил против него самые строгие меры. Чтобы умиловить отца, Вольтеру пришлось победить свое отвращение к судебному жаргону и посвящать ежедневно по несколько часов практическим занятиям у прокурора, к которому поместил его старый Аруэ. Избавил его от этих неснос-

ных занятий знакомый их семьи, интендант финансов Комартэн, принадлежавший к деловой чиновничьей аристократии и потому пользовавшийся большим уважением бывшего нотариуса. Комартэн уговорил старого Аруэ отпустить сына погостить к нему в замок Сентанж, где вдали от влияния светского общества юноша обдумает на досуге выбор карьеры. Но Вольтер уже выбрал свою карьеру, и общество Комартэна только усилило его решимость. Старик Комартэн, прошедший всю жизнь среди выдающихся людей двора Людовика XIV, знал множество анекдотов из жизни этого двора, множество закулисных подробностей различных событий, о которых непосвященная публика могла строить лишь догадки. Его сведения не ограничивались при этом современными ему событиями. Он относился с горячим энтузиазмом к Генриху IV и мог многое порассказать об этом короле, личность которого была заслонена от глаз последних поколений пышной фигурой Людовика XIV. Старый хозяин любил рассказывать, а Вольтер жадно слушал и расспрашивал. Он скоро заразился энтузиазмом Комартэна по отношению к Генриху IV и заразил им впоследствии всех своих современников. В творце Нантского эдикта все нравилось людям XVIII века, начиная с его человеколюбия и религиозной терпимости, граничившей с индифферентизмом, до веселой распушенности нравов, свойственной также и людям этого века.

Здесь, в Сентанже, задумал Вольтер «Генриаду» и, заинтересовавшись вообще историей, начал собирать материалы для своего «Века Людовика XIV».

В сентябре 1715 года старый король умер, и общество, в котором снова вращался вернувшийся в Париж Вольтер, тотчас же умножилось всеми теми людьми, которых вырвала из него благочестивая подозрительность Людовика XIV. Возвратился из изгнания герцог Вандом; был выпущен из Венсенского замка посаженный в него за остроумную выходку аббат Сервиен. Когда последний отправлялся в свое невольное уединение, Вольтер напутствовал его стихотворением, в котором называл веселого аббата «законодателем сладострастия», «повелителем граций и смеха», разделяющим господство с одним только Филиппом Орлеанским. Теперь этот второй «законодатель сладострастия», получивши регентство, стал законодателем также и Франции.

Весело отпраздновавши смерть старого короля, парижане принялись сочинять стихи как против него, так и против регента. «Фанфаронство порока» на высоте трона представляло соблазнительную тему. Сочинил и Вольтер несколько таких куплетов, за которые еще недавно он мог бы попасть в железную клетку. Равнодушный ко всему регент ограничился высылкой поэта из Парижа.

Вольтер в возрасте 70 лет.

Гравюра на фронтиспise «Философского словаря» 1843 года

Это первое изгнание было для Вольтера одним сплошным праздником. Он провел его в замке Сюлли, где собралось многочисленное общество, занятое исключительно устройством всевозможных увеселений, от которых Вольтер отрывался лишь для сочинения посланий к знакомым дамам. Там же, по совету приятелей, он написал послание и к герцогу Орлеанскому, которое заканчивалось просьбою лишь прочесть предлагаемые стихи, чтобы убедиться через сравнение, что их автор не может быть сочинителем отвратительных куплетов, которые ему

приписывают. Этой тактики Вольтер будет придерживаться всю жизнь. Никогда не подписывая произведений, могущих навлечь неприятности, он при малейшей опасности будет кричать о клевете, бранить на чем свет стоит несчастное произведение, которое ему приписывают, выражать величайшее презрение к его автору и горько жаловаться на злую несправедливость людей, предполагающих, что он может писать такие жалкие вещи. Неизвестно, поверил ли регент невинности Вольтера, но он позволил ему вернуться в Париж и даже дал аудиенцию. Но мир оказался непродолжительным. Впоследствии, когда регент давно умер и льстить ему не было никакой надобности, Вольтер отзывался о нем очень хорошо. В «Истории века Людовика XIV» он говорит, что из потомков Генриха IV регент больше всех походил на этого короля и характером, и даже лицом, но был при этом образованнее и красивее Генриха IV. Автор видит в Филиппе Орлеанском только два недостатка: любовь ко всякой новизне и к удовольствиям, но ни то, ни другое не было большим грехом в глазах Вольтера. Так думал он впоследствии, но в двадцать лет у него было неудержимое стремление оскорблять этого самого регента. Оскорбительные куплеты, за которые он был выслан в 1716 году, написаны в шутовском тоне. Весной 1717 года в Париже обращалось среди публики уже маленькое латинское стихотворение, где в сжатых отрывочных фразах перечислялись бедствия Франции под управлением отравителя и кровосмесителя (молва возводила на герцога эти преступления) и предрекалась ее неизбежная гибель. Такое произведение не могло не вывести из терпения даже и регента. Вольтер имел осторожность пустить в обращение эти опасные строчки во время своего отсутствия в Париже. Но авторское самолюбие оказалось сильнее осторожности. Едва вернувшись от Комартэна, у которого он опять гостил, Вольтер натолкнулся на шпиона, офицера Борегара, притворявшегося его приятелем. В виде новости тот сообщает ему о ходящих по рукам латинских строчках. «Нравятся ли они публике?» – интересуется Вольтер. «Их находят очень умными и приписывают иезуитам», – отвечает собеседник. «Иезуиты рядятся в чужие перья», – возражает Вольтер и сообщает шпиону о своем авторстве. Борегар притворяется, будто не верит: в 28 лет не пишут таких прекрасных вещей. Вольтер горячится и старательно доказывает, что пишут. Посаженный через несколько дней в Бастилию, он при допросах находит в руках начальства подробное изложение всего разговора.

Вольтер просидел в Бастилии одиннадцать месяцев. Он усердно работал в своем уединении: окончил трагедию «Эдип», которую набросал уже более трех лет тому назад, и начал «Генриаду», описал также свой арест и тюремную жизнь в шутовской маленькой поэме «Бастилия» и вообще нимало не унывал, хотя, кроме потери свободы, было у него в это время и другое горе. У Сюлли он познакомился с одной девушкой, госпожой Ливри. Она играла в домашнем театре Сюлли и была без ума от сцены. Вольтер, уже считавшийся знатоком в этом деле, поправлял ее игру, учил декламации. Учитель и ученица влюбились друг в друга и поклялись любить вечно. Но когда Бастилия разлучила влюбленных, место отсутствующего занял в сердце г-жи Ливри ближайший друг Вольтера и поверенный всех его тайн, молодой де Женонвиль. Этой двойной измене в поэме «Бастилия» посвящена следующая строчка: «Все изменили ему, даже и возлюбленная». Но одной этой меланхолической строчкой и ограничились все жалобы. Выйдя на свободу, Вольтер не упрекает изменников, даже не сердится на них, продолжает заботиться о театральных успехах г-жи Ливри и остается преданным другом Женонвиля до самой смерти этого последнего. Так же поступит Вольтер и тридцать лет спустя при разрыве другой, долгой, несравненно более серьезной связи.

В этой способности почти тотчас же искренно прощать измену и оставаться другом как изменившей женщины, так и своего счастливого соперника, главная роль принадлежит, конечно, личному свойству Вольтера, в жизни которого дружба всегда имела гораздо больше значения, чем любовь к женщине. Но некоторую роль играли при этом также нравы и взгляды того высшего общества, в котором почти с детства вращался Вольтер. В этой среде любовь

не давала никаких прав, не налагала никаких обязанностей, а ревность считалась смешной и постыдной.

Через шесть месяцев по выходе Вольтера из Бастилии, в ноябре 1718 года, была поставлена на сцене его первая трагедия «Эдип». До тех пор поэтический талант молодого автора был известен лишь по мелким стихотворениям, принимавшим чаще всего форму посланий к друзьям и знакомым. Такой род поэзии был вообще в моде среди высшего общества того времени, и даже принц Конти удостоил самого Вольтера посланием, в котором восхвалял его «Эдипа». Трагедия действительно имела огромный успех, и уже раздавались голоса, объявлявшие ее автора преемником Корнеля и Расина.

На отпечатанных экземплярах «Эдипа» в первый раз встречается подпись «Вольтер». Отцовская фамилия не нравилась молодому писателю, но откуда взял он имя «Вольтер», осталось невыясненным. Предполагали, что это название фермы, принадлежавшей его матери. Несмотря, однако, на все позднейшие исследования, такой фермы найдено не было.

Регент пожаловал автору «Эдипа» значительную денежную награду, но в следующем же году опять заподозрил в нем – и на этот раз действительно несправедливо – автора распространяемой против него сатиры. Пока не открылась ошибка, Вольтеру пришлось опять повеселиться вне Парижа, переезжая в новых лучах своей авторской славы из одного замка в другой. Так же весело и разнообразно то в Париже, то в окрестных замках провел он и следующие годы.

В 1722 году умер отец Вольтера. Они редко виделись в последние годы. Старик Аруэ присутствовал, говорят, на представлении «Эдипа», но и громкий успех трагедии не примирил его с избранной сыном карьерой.

В том же году Вольтер предпринял небольшое путешествие в Голландию, куда сопровождал одну из своих светских знакомых, г-жу Рюпельмонд.

Для этой же дамы, обратившейся к своему спутнику за разрешением – или, вернее, за подтверждением – своих религиозных сомнений, Вольтер написал в стихах «Послание к Урании, или За и против». В этом первом антирелигиозном произведении Вольтера, напечатанном лишь десять лет спустя, уже сказывается во всей силе отрицательное отношение автора к догматам католической церкви, но по серьезной горячности тона оно отличается от большинства его позднейших произведений этого рода. «Я хочу любить Бога, – говорит Вольтер в «Послании к Урании», – я ищу в нем отца, а мне показывают тирана». Главнейшим актом этой тираннии является в его глазах осуждение на адские муки всех бесчисленных последователей других религий, всех миллионов людей далеких стран и прошлых поколений. В заглавии он обещает говорить и «за», и «против», но несколько строчек, посвященных защите учения церкви, тонут у него в страстных обвинениях.

Вольтер.

Гравюра неизвестного художника

В Брюсселе, по пути в Голландию, Вольтер посетил проживавшего там Жана-Батиста Руссо, к таланту которого он относился с большой симпатией. После очень любезной встречи авторы прочли друг другу некоторые из своих неизданных произведений и тем положили прочное основание очень деятельной литературной войне. Начал печатные нападки Ж.-Б. Руссо. Вольтер всегда утверждал, что он ни на кого и никогда не нападал, пока не затрагивали его или его друзей. Действительно, в своих многочисленных литературных распрях он никогда не был зачинщиком, но зато, раз вызванный на борьбу, никогда не оставался в долгу, а по большей части платил сторицею, язвя противников в стихах и в прозе, в специально посвященных им памфлетах и мимоходом в произведениях, трактующих о совсем других предме-

тах. Причину враждебности Ж.-Б. Руссо к Вольтеру оба автора объясняют различно. Вольтер думает, что Руссо не мог простить ему остроты, вырвавшейся у него после «Оды к потомству», прочитанной ему автором. «Не дойдет она по адресу», – заметил слушатель. Ж.-Б. Руссо, со своей стороны, ссылается на нечестивое «Послание к Урании», сообщенное ему Вольтером и возмущившее его религиозное чувство. Когда-то вольнодумный составитель эпиграмм, Руссо действительно начал около этого времени настраивать свою лиру на религиозный тон.

В 1724 году появилась поэма Вольтера о Генрихе IV, которая в первом издании называлась «О лиге». Напечатана она была тайно и, по уверению Вольтера, без его ведома, с многочисленными пропусками и ошибками. Но как ни плохо было издание и как ни горько жаловался на него Вольтер, оно тем не менее сильно подняло его славу. Эпос вообще считался в то время высшим родом поэзии. Эпическая поэма казалась даже необходимой для славы нации, и самолюбие французов давно страдало от отсутствия у них таковой. Автор, давший наконец Франции ее поэму, не мог не подняться очень высоко в глазах соотечественников. Теперь это произведение кажется нам скучным, холодным, совсем не поэтическим. Но XVIII век, имевший очень мало чутья к чистой поэзии, век «просвещения», умственной борьбы и пропаганды по преимуществу, высоко ценил свою поэму. Горячий поклонник Вольтера, Кондорсэ в своей «Жизни Вольтера», изданной в 1789 году, соглашается, что некоторые из эпических поэм, считающихся великими, превосходят «Генриаду» разнообразием действия и интересом событий, но ее недостатки в этом отношении с избытком вознаграждаются в другом. Ни одна поэма, говорит он, не включает в себе такой «глубокой философии», такой «чистой морали», ни одна не отличается такой «свободой от предрассудков»... «Из всех эпических поэм одна «Генриада» имеет нравственную цель... потому что она дышит ненавистью к войне и фанатизму, терпимостью и любовью к человечеству». Вот чем восхищается в «Генриаде» человек XVIII века. Он ценит ее, главным образом, как орудие пропаганды, которому форма эпической поэмы придает особенную силу. Уже то одно имело политическое значение, что героем поэмы был творец Нантского эдикта в то время, когда отмена этого эдикта оставалась еще зияющей раной в государственном организме Франции; когда галеры были полны пасторами-гугенотами, тайком пробравшимися во Францию и уличенными в совершении богослужения; когда браки гугенотов не признавались законными и их дети не имели гражданских прав. «Генриада» при таких обстоятельствах была действительно проповедью человеколюбия и терпимости.

Глава II

Столкновение с де Роганом. – Опять Бастилия и изгнание. – Влияние Англии на Вольтера. – «Английские письма»

В 30 лет Вольтер достиг, по-видимому, блестящего положения. Как по собственному мнению, так и по мнению значительной части публики, он стоял уже во главе современной французской литературы, причем вращался в самом высшем обществе и, считая своими друзьями титулованных особ, являлся своим человеком в их салонах. Не всем, однако, нравилось его положение в этих салонах. Не нравилось оно любимцам молодого короля, не нравилось недавно приставшему к их кругу кавалеру де Рогану. Кастовая исключительность дворянства была уже настолько расшатана, что позволяла принимать в свое общество поэтов-недворян. С ними обращались как с равными. Светская любезность, светские нравы требовали этого относительно каждого гостя. Но в глубине души их не считали равными.

К тому же Вольтер нимало не подходил к типу скромного поэта, чувствующего милость высоких меценатов. Не то чтобы он был дерзок или заносчив, – он в совершенстве усвоил утонченные манеры того общества, в котором вращался. Но вполне искренно он чувствовал себя не только равным, но высшим существом в каждом обществе, в которое попадал. По своей живости, находчивости, остроумию он не мог оставаться в тени, всюду занимал первое место и слишком часто, по мнению де Рогана и подобных ему людей, ничем не отличавшихся, кроме титулов, приковывал к себе всеобщее внимание. Де Роган решил выбросить его из этого общества. Он начал придирается к Вольтеру и искать с ним ссоры. Быстрый на ответы Вольтер не оставался в долгу. Не находя ничего более остроумного, де Роган пробовал потешаться над именем Вольтера, намекая на его слишком скромное происхождение. «Я не волочу за собою великого имени, – парирует Вольтер, – но делаю честь тому, которое ношу». При одном из столкновений в театральном фойе Роган поднимает трость. Госпожа Лекуврёр, знаменитая актриса и приятельница Вольтера, весьма кстати падает в обморок и тем прекращает ссору. Поразмысливши на досуге, Роган нашел, вероятно, что лакейскими руками гораздо удобнее драться, чем собственными. Такие расправы не были в то время чем-нибудь слишком исключительным в отношениях дворян с писателями.

В конце декабря 1725 года – через несколько дней после ссоры в театре – Вольтер обедал у Сюлли, когда его вызвали под каким-то предлогом на крыльцо. Ничего не подозревая, он вышел, как был, с салфеткой в руке. Четыре лакея кавалера де Рогана тотчас же набросились на него. Одни держали, другие били, а сам де Роган командовал экзекуцией, сидя в карете. Он же и приказал прекратить ее. Вольтер бросается назад к Сюлли. Десять лет он считает герцогов своими друзьями; десять лет он свой человек в их доме. К тому же оскорбление нанесено гостю Сюлли на пороге его дома. Вольтер уверен в солидарности с собой хозяина и приглашает его отправиться вместе к комиссару заявить о произведенном разбое. Сюлли наотрез отказывается принять какое бы то ни было участие в неприятной истории. С этих пор Вольтер уже никогда не встречался с Сюлли. Он бросил всякую мысль о судебном преследовании. Оставалась одна дуэль. Но и в этом деле он не мог надеяться на помощь и сочувствие своих великосветских знакомых. Они действительно не нашли в поступке Рогана ничего особенно предосудительного и за глаза подшучивали над его жертвой. «Удары были плохо даны, но хорошо приняты», – заметил принц Конти, тот самый, который воспевал Вольтера в стихах. Аббат Комартэн, родственник старого Комартэна, у которого не раз гостил Вольтер, находил даже, что дворяне были бы очень несчастны, «если бы у поэтов не было плечей для палок».

*Портрет французского короля Людовика XIV.
Робер Нантейль*

Не только светские знакомые, даже искренние друзья Вольтера были невысокого мнения о его храбрости. Вот как выражается в своих мемуарах маркиз д'Аржансон, школьный товарищ и неизменный приятель Вольтера: «Давно уже замечена разница между умственной и физической смелостью. Они редко соединяются. Вольтер может служить примером. Его душа полна мужества, достойного Тюрена. Он смотрит с высоты, он предприимчив, ничто не может смутить его; но его пугает малейшая опасность, грозящая его телу».

Вольтер действительно не храбрец, он очень мнителен относительно своего здоровья и говорит о близости смерти при всякой болезни. Он, правда, всю жизнь постоянно рискует попасть в тюрьму за свои произведения, но зато и отрекается от них, и кричит о клевете, и старается оградить себя. Но, хотя он и не храбрец, – как все нервные, впечатлительные люди, особенно под действием такого оскорбления, способны становиться на время храбрецами, – вопреки ожиданиям своих знакомых, он упорно и страстно добивается удовлетворения. В

пользу Вольтера свидетельствует в данном случае полиция. Она, в угоду семье Роганов, неотступно следила за ним со дня побоев и доносила о каждом его шаге. Эти донесения, неизвестные современникам, защищают честь Вольтера перед потомством.

Из всех прежних знакомых оскорбленный писатель сохранил в это время отношения с одним Тирио. Это человек из другого мира, бедный клерк, с которым Вольтер сошелся во время своих занятий у прокурора. Тирио – пустой человек, но он не был связан сложными светскими отношениями и остался верен Вольтеру в эти самые тяжелые дни его жизни. И Вольтер никогда не забудет об этом. Ленивый и беспутный жуир, Тирио будет часто ставить его впоследствии в затруднительные положения, будет даже злоупотреблять его доверием, но Вольтер все простит ему и всегда будет о нем заботиться.

Скрывшись из салонов, Вольтер повел какое-то лихорадочное существование. Он беспрестанно менял квартиры, сошелся с бретерами самого низшего сорта и с жаром учился фехтованию. Фехтование и выслеживание Рогана наполняли все его время, но враг избегал встреч. Проходила неделя за неделей, а Вольтер, по донесениям полиции, не только не успокаивался, но его бешенство росло с каждым днем. Ему удалось наконец встретить своего врага в театре и сделать ему вызов. Тирио играл роль секунданта. Роган тотчас же согласился на дуэль и сам назначил встречу на завтрашнее утро; но еще с вечера он известил об этом вызове своих родных. Те подняли хлопоты и добились немедленного заключения Вольтера в Бастилию.

Время своего пребывания в крепости арестант употребил на изучение английского языка. Он предвидел, что так или иначе ему придется оставить Францию; об этом заботились Роганы. Действительно, в мае 1726 года вместе с освобождением из Бастилии ему был объявлен приказ о высылке его из Франции. Доехав до Кале в сопровождении полицейского, он перебрался через пролив, но почти немедленно вернулся тайком в Париж и прожил здесь некоторое время, скрываясь как от полиции, так и от знакомых, убедившись, однако, в бесплодности дальнейших попыток добиться удовлетворения, Вольтер вернулся в Англию и постарался выбросить из головы бесплодные воспоминания о пережитых оскорблениях.

Это было тем легче, что Англия встретила его приветливо. У него был там знакомый, почти друг, лорд Болинброк, материалист и деист, соединявший, по словам Вольтера, английскую ученость с утонченностью французского дворянина. Вынужденный в начале царствования Георга I оставить Англию, Болинброк прожил несколько лет во Франции и здесь познакомился с Вольтером, который не раз гостил в его прекрасном замке Ласурс и посвятил ему свою, тогда еще не напечатанную, «Генриаду».

Вернувшийся в 1723 году в отечество, благородный лорд дружески принял ставшего в свою очередь изгнанником Вольтера и ввел его в круг своих знакомых. В Англии этого времени все поражало и восхищало Вольтера, все было противоположно тому, что он видел на родине. В особенности резко бросалась в глаза ему – вольнодумцу и писателю – разница в положении религии и науки в двух соседних государствах. Во Франции признавалась одна католическая религия, не допускавшая никаких сект, ни малейшего разномыслия, готовая преследовать даже янсенистское учение о предопределении, разделявшееся многими отцами церкви, но не нравившееся иезуитам. В отечестве Вольтера религия еще сохранила свойственный католицизму притязание заключать в себе всю человеческую мудрость и держать все науки за прислужниц теологии, хотя и была уже вынуждена неудержимым ростом светских наук ко многим молчаливым уступкам. В Англии, наоборот, «всякий, – по выражению Вольтера в его “Английских письмах”, – имеет право идти в царствие небесное тем путем, который ему нравится». Английская церковь распадается, по вычислению автора тех же «Писем», на тридцать сект, начиная с господствующей в Англии и Ирландии епископальной, сохранившей большую часть догматов и обрядов католичества, до квакеров, не имеющих никакого духовенства и не признающих никаких таинств. Большинство проповедников этих сект ненавидят друг друга, по словам Вольтера, «так же искренно, как иезуиты с янсенистами»; пресвитериане называют епископальную цер-

ковь не иначе как «вавилонской блудницей»; эта последняя очень бы не прочь преследовать все другие секты, но закон позволяет их существование, светская власть не является к услугам духовной, и секты живут мирно как между собою, так и с наукой, свободно решающей все вопросы, за исследование которых преследуют во Франции.

В особенности поражала Вольтера свобода исследования Священного Писания. По приезде в Англию он застал еще во всем разгаре полемику, поднятую книгой Коллинза «Об основах христианства». В то же время выходили одна за другой брошюры Вульстона. Эти книги выдержали в самое короткое время по несколько изданий, вызвали массу возражений, перешедших в ожесточенную полемику, но дело обошлось без всякого вмешательства светской власти.

Эта свобода была, правда, безгранична, и если можно было безнаказанно отрицать чудеса, то нельзя было утверждать без серьезных неприятностей необходимость возвращения Англии в лоно католической церкви. Даже Локк в своем трактате о терпимости не требует ее применения к католикам и атеистам. Но атеистов, по мнению Вольтера, было гораздо меньше в Англии, чем во Франции. Он приписывал это различие распространению в первой стране философии Ньютона, «доказавшего существование Бога мудрецам».

Пребывание в Англии имело решающее влияние на всю дальнейшую писательскую деятельность Вольтера. Здесь сложилось в общих чертах все его мировоззрение, лишь в некоторых частностях изменявшееся потом в течение его долгой и деятельной жизни. Все его последующие философские произведения являются лишь приноровленными к надобностям пропаганды комбинациями и видоизменениями идей, взятых им у его английских учителей. Открытие Ньютона он в общих чертах изложил уже в «Английских письмах», а затем популяризировал его философию в отдельном произведении. Огромное влияние на него имел также Локк своим учением о человеческом познании. Из всего содержания своих «Английских писем» Вольтер, по его собственному признанию, всего больше дорожил именно этим «учением о душе», как он называл теорию Локка. До тех пор «резонеры» писали, по его мнению, лишь «романы души», Локк первый «скромно изложил ее историю. Он раскрывает человеку его разум так, как хороший анатом объясняет строение органов человеческого тела». Опровергнув теорию врожденных идей, доказав, что все наши идеи вытекают из деятельности наших чувств, проследив разум во всех его более и более сложных операциях, Локк, говорит Вольтер, «скромно заканчивает предположением, что, быть может, мы никогда не будем в состоянии знать, способно ли чисто материальное существо мыслить или нет». Вольтер оказывается в этом случае решительнее своего учителя. Относительно познания всех первых причин мы должны, как учит скромный Локк, признать свое бессилие и прибегнуть к Богу. Предвидя гонение именно на эту часть своих «Писем», Вольтер заранее переходит в нападение: «Безбожна не теория Локка, а те, кто ограничивает всемогущество Творца, утверждая, что Бог не мог даровать мысли материи».

Здесь же, в Англии, выковал Вольтер свое оружие для позднейшей борьбы с католицизмом. Верующим сыном церкви не был он и раньше, но лишь из творений английских рационалистов познакомился с систематической критикой Священного Писания и церковных догматов.

Обратили на себя внимание Вольтера и политические учреждения Англии, но его отношение к этим учреждениям всегда оставалось двойственным. Его восхищали религиозная терпимость и политическая свобода приютившей его страны, но для него не всегда была ясна полная зависимость этой свободы от формы правления Англии. Он колеблется в своих симпатиях между партиями тори, стремившихся к усилению королевской власти, и вигов с их республиканскими тенденциями. Вначале он склоняется на сторону последних. Это отражается даже на вывезенных им из Англии трагедиях «Брут» и «Смерть Цезаря». В «Английских письмах» он относится с симпатией или, по крайней мере, с полнейшим беспристрастием к английской

революции и парламенту. «Англичане, – говорит он, – любят сравнивать себя с древними римлянами, но совершенно напрасно. Ни в дурном, ни в хорошем они на них не похожи. Римляне не знали религиозных войн. Англичане же усердно вешали друг друга и истребляли в правильных сражениях из-за вопросов этого рода... Другое существенное различие между Римом и Англией целиком в пользу последней: плодом гражданских войн в Риме было рабство, а английские волнения привели к свободе». Но в позднейших произведениях Вольтера мы уже не встречаем такого благосклонного отношения к английской революции и не раз наталкиваемся на противоположные отзывы. И это совершенно понятно. Признав за английскими революционерами какую-нибудь существенную заслугу перед человечеством, Вольтер впадал в противоречие с одним из основных положений своего мирозерцания. Прогресс человечества заключался, по его мнению, почти исключительно в успехах разума, философии, искусств и в ослаблении суеверий. Оказывать услуги человечеству могли, по его мнению, лишь люди просвещенные. Борцы же, волновавшиеся, как ему казалось, из-за вещей аналогичных с вопросом о корме для священных кур, совсем не занимались науками. Кроме Мильтона в рядах республиканцев не было замечательных поэтов. К ним не принадлежал ни один из великих философов Англии. «Во времена Кромвеля, – говорит Вольтер в своем «Опыте о нравах», напечатанном лишь в пятидесятых, но написанном в тридцатых годах, – место всякой науки и литературы занимало подыскивание текстов из Старого и Нового Заветов и применение их к политическим распрям и самым жестоким революциям». Науки и искусства были восстановлены реставрацией. С царствованием Карла II совпал высший расцвет английской материалистической философии и быстрое развитие точных наук. Вольнодумство, неверие было в моде при дворе этого короля и тогда-то именно стало ненавистным английской буржуазии, связавшись в ее воспоминании с веселыми французскими нравами, склонностью к католицизму и с урезыванием прав парламента. Нечто аналогичное случилось и с Вольтером. Уничтожение «суеверия» и рост философии тоже связались в его уме с идеей реставрации и вызвали в нем симпатию к Стюартам, доходившую до живейшего сочувствия современным Вольтеру якобитским заговорам.

Вольтер.

Гравюра неизвестного художника

В этом же направлении действовали на Вольтера и его позднейшие связи и отношения: дружба с коронованными философами или желавшими слыть таковыми и вражда к французским парламентам, из которых парижский являлся самым деятельным врагом философских книг и писателей, а провинциальные возбуждали его ненависть безобразными юридическими убийствами. Правда, французские парламенты его времени имели очень мало общего с английскими, но тем не менее они являлись некоторым ограничением королевской власти, лишь мешавшим, по его мнению, необходимым реформам в области правосудия. «У меня недостаточно гибкая спина, — говорит он впоследствии по поводу парламентов, — я согласен сделать один поклон, но сотня поклонов сразу меня утомляет».

Его политическим идеалом осталось в конце концов неограниченное правление мудрого государя-философа, окруженного такими же мудрыми министрами.

Другая сторона английского строя, почетное положение, занимаемое там богатой торговой буржуазией, тоже произвела сильное впечатление на Вольтера. Заметив в своих «Английских письмах», что английские коммерсанты гордятся своим занятием и что младшие сыновья пэров ничуть не стыдятся участвовать в торговых операциях, Вольтер говорит, что во Франции каждый дворянин, ничего не имеющий, кроме громкой фамилии, может твердить: «Человек, как я!», «Люди моего звания», – и относиться с великолепным презрением к коммерсантам. Последние тоже имеют глупость сами себя стыдиться. «Я не знаю, однако, – заключает Вольтер, – кто полезнее государству: напудренный сеньор, знающий с точностью, в котором часу ложится и в котором встает король, или негодья, который обогащает свою страну, посылает из своего кабинета приказы в Сурат и Каир и содействует счастью всего мира».

Сам Вольтер со времени своего английского изгнания принялся усиленно стремиться к обогащению, не пренебрегая для этого никакими денежными и торговыми спекуляциями. «Я встречал слишком много бедных и презираемых писателей, – говорит Вольтер в своих мемуарах, – и давно решил, что не должен увеличивать собою их числа».

Основание его будущему богатству положила сумма в две тысячи фунтов стерлингов, вырученная в Англии от подписки на новое издание его поэмы «О лиге», переименованной затем в «Генриаду». В подписке принимали участие сама королева и чуть ли не вся английская аристократия. Вольтер сделал в этом новом издании некоторые изменения, из которых главнейшее заключалось в том, что Сюлли, игравший как в самой истории Генриха IV, так и в поэме значительную роль, был вычеркнут из нее при втором издании. Вольтер мстил этим единственным доступным ему способом вероломному приятелю, отрекшемуся от него в тяжелую минуту его жизни. Вопреки обычному ходу вещей, предок пострадал в этом случае за грехи своего потомка.

Возвратившись весной 1729 года во Францию, Вольтер, кроме «Английских писем» и двух трагедий, привез также из Англии свой первый исторический труд «Историю Карла XII». Он встретил в Англии одного из приближенных Карла и заинтересовался его рассказами о необычайных приключениях шведского короля. Эти-то рассказы и послужили главным материалом для блестящего произведения, соединяющего весь интерес романа со стремлением к исторической правдивости, поскольку она была возможна при односторонности доступных автору сведений. Рассказ имел значение первого опыта исторического произведения, написанного не для одних ученых и способного заинтересовать широкий круг читателей.

Даже это безобидное произведение пришлось напечатать без «дозволения». Отказ в разрешении издания был вызван дипломатическими соображениями. Предположили, будто польский король Август может обидеться тем, что блестящий соперник затмевает его на страницах истории так же, как затмевал в жизни.

Ровно через год по возвращении Вольтера из Лондона умерла любимица парижской публики, талантливая драматическая актриса г-жа Лекуврёр. При жизни актеры и в особенности актрисы занимали тогда во Франции очень видное и довольно независимое положение, но после смерти судьба их тела вполне зависела от духовенства. Наряду с колдунами, они считались отлученными от церкви и в качестве таковых могли, по желанию духовенства, быть признаны недостойными погребения. Средневековое правило гласило, что тела лишенных погребения выбрасываются на место, куда свозятся нечистоты; но на самом деле их просто зарывали без церковных обрядов в неосвященную землю. Так пришлось поступить и с телом г-жи Лекуврёр. Личный приятель покойной, Вольтер был взбешен таким оскорблением ее памяти и излил свои чувства в полных негодования стихах. Не одно духовенство упрекает он в них, а также слабых, легкомысленных французов, покорно несущих ярмо предрассудков. Стихотворение выражало взгляды значительной части публики и было встречено с большим

сочувствием. Духовенство, как и следовало ожидать, подняло хлопоты о преследовании автора, которому пришлось скрываться на время, чтобы переждать бурю. Но едва успели рассеяться тучи этой бури, как над головой Вольтера разразилась новая беда. В печати появилось написанное им десять лет тому назад «Послание к Урании», о котором мы уже говорили выше. На этот раз против автора было, по требованию парижского архиепископа, поднято формальное судебное преследование, от которого он кое-как отделался, лишь сваливши свой грех на покойного аббата Шольё. Выдумка была довольно правдоподобной: аббат писал стихи и был известен своим вольнодумством.

Такие беспрерывные столкновения с властями делали положение Вольтера очень шатким. Он задумал упрочить его посредством блестящего театрального успеха. После «Эдипа» ни одна из его трагедий не вызвала восторга публики. Не особенно понравился и «Брут». Масса публики находила, что любовная интрига, считавшаяся главным делом в пьесе, была слишком холодна; люди же с более тонким вкусом утверждали, наоборот, что в эту трагедию вовсе не следовало вводить ненужной любви. Вольтер решил создать трагедию, весь сюжет которой построен на любви и ревности, и переделал во французском вкусе «Отелло» Шекспира. Успех «Заиры» – так назвал он трагедию – превзошел все ожидания. Публика проливали обильные слезы, что считалось лучшим признаком достоинства трагедии.

Неугомонный автор быстро сумел, однако, заставить публику забыть благоприятное впечатление. Выпущенная им в 1733 году – опять без «дозволения» – книжечка носила заглавие «Храм вкуса» и рассказывала, наполовину в стихах, наполовину в прозе, о путешествии автора в этот храм, где «Критика» произносит свои приговоры над писателями, живыми и умершими. Это художественная оценка литературных произведений, часто меткая и остроумная, в то же время была строгой, но в большинстве случаев беспристрастной. Автор и себе самому делает от лица «Критики» несколько замечаний и дает ехидный совет: не забывать, что написал освистанную публикой трагедию «Артемира». Критика совсем не затрагивает чьих-то мнений. Автор заставляет даже, для наглядности, иезуита дружески разговаривать в «Храме вкуса» с янсенистом.

Хотя произведение было напечатано тайком, но на этот раз на автора обрушилось не правительство, а масса писателей и читателей. Одни сердились за замечания «Критики», другие – за то, что автор совсем не упомянул их, а следовательно, не заметил их присутствия в литературе. Читатели сердились за своих любимых авторов. Почти немедленно появилось несколько пародий на «Храм вкуса», написанных с единственной целью – выругать Вольтера. В одной комедии насоливший всем критик выведен даже в виде шута.

Поставленная Вольтером в январе 1734 года новая трагедия «Аделаида Дюгесклен» была, по свидетельству современников, освистана публикой именно в отместку за «Храм вкуса». По крайней мере, возобновленная много лет спустя, она имела успех.

Все эти бури оканчивались более или менее благополучно, но с самого приезда из Англии Вольтер «готовил» для себя гораздо более серьезную опасность. Говоря об английских впечатлениях Вольтера, мы уже касались содержания «Английских писем». Они были давно написаны, но затруднения, встречаемые на каждом шагу при печатании самых невинных вещей, ясно показывали, что такого рода произведения нельзя обнародовать, не решившись заранее на арест или бегство. С другой стороны, Вольтер положительно не мог не поделиться с соотечественниками теми глубокими и сильными впечатлениями, которые оставили в нем английская жизнь и результаты английской мысли. Стараясь придать по возможности невинный вид своему произведению, он нарочно приписал квакерам, которым посвящены первые письма, побольше комических черт и даже читал самые смешные выдержки министру Флэри. Престарелый кардинал удостоил посмеяться, но Вольтер и сам отлично знал, что это еще ровно ничего не значит. «Письма» были отпечатаны тайком в Руане, где у автора был сообщник, его школьный товарищ Сидевиль, но все издание хранилось под замком, и ни один экземпляр не

попадал пока к публике. Отзывы француза об англичанах могли, однако, заинтересовать также и англичан, поэтому Вольтер издал сперва английский перевод своих писем. Англичане остались, в общем, очень довольны произведением, хотя и отметили в нем несколько фактических неточностей. Но, кроме английских похвал, перевод принес Вольтеру также усиленный надзор в отечестве и формальное запрещение издавать «Письма» на родном языке. Голландские издатели, наживавшиеся от продажи запрещенных во Франции книг, тоже не дремали и оказались даже бдительнее французских властей. Самой маленькой неосторожности – отданного в переплет экземпляра – было достаточно, чтобы в Амстердаме появилась точная подделка руанского издания, начавшая быстро распространяться во Франции.

Парижский парламент осудил книгу как «скандальную, противную религии, добрым нравам и уважению к власти» на сожжение рукою палача у подножия большой лестницы здания парламента. Склад руанского издания был разыскан и конфискован; издатель посажен в Бастилию. Приказ о помещении туда же и самого автора был послан в Монж, где Вольтер праздновал свадьбу своего приятеля герцога Ришелье. «Ангел-хранитель» Вольтера, д'Аржанталь, успел, однако, вовремя предупредить своего друга, и 10 июня 1734 года, когда «Английские письма» торжественно сжигались в Париже, Вольтер был уже за границей.

Во Франции того времени за книги преследовали авторов, издателей, продавцов, но не читателей. Главную массу читателей составляли еще высшие классы; большими охотницами до запрещенных книг были светские дамы, беспокоить которых никому не приходило в голову. Поэтому сожжение и преследование раздражали авторов, лишая их заработка и безопасности, обогащали голландских издателей, поднимая цену на их товар, но нимало не мешали, а скорее содействовали распространению произведений.

Не помешало сожжение и распространению «Английских писем» и их громадному влиянию на французское общество.

*Вольтер за рабочим столом.
Гравюра Локателюса*

В конце XVII – начале XVIII века французы очень мало знали своих заморских соседей. Английский язык был почти никому не знаком. Некоторые ученые трактаты если и переводились, то читались только специалистами. «Английские письма», умышленно подчеркнувшие резкие противоположности между двумя нациями – и всегда в пользу англичан, – заинтересо-

вали всех. Дамы принялись изучать английский язык; все сколько-нибудь выдающиеся люди спешили побывать за Ла-Маншем. Английская философия вытеснила постепенно когда-то будивший мысль, а теперь застывший картезианизм. Скептицизм Бойля, разрушавший верования, но не дававший ничего определенного, заменился под влиянием английского материализма законченной философской системой, перешедшей постепенно от деизма к открытому атеизму. Английская философская мысль «переделала» французскую, но «переделала» ее в нечто совершенно с собою несходное. Аристократический, придворный, непопулярный английский материализм превратился во Франции в разрушительную философию, ставшую катехизисом буржуазии в ее борьбе со старым порядком, – борьбе, поразительно аналогичной с предшествовавшей борьбой английской буржуазии, но уже не опиравшейся на пророков и на псалмы Давида.

Но до этой переработки английского деизма во французский атеизм, впоследствии сильно огорчавший Вольтера, оставшегося верным деизму, еще далеко.

Глава III

Маркиза Дю Шатле. – Сирей. – Оптимизм Вольтера. – Его увлечение естественными науками. – Трагедии. – Знакомство с Фридрихом II

У скрывшегося в Лотарингию автора «Английских писем» в Париже остался недавно приобретенный, но горячо и страстно преданный ему друг, маркиза Дю Шатле, любовь к которой была в жизни Вольтера его единственной серьезной привязанностью к женщине.

После измены г-жи Ливри он был некоторое время увлечен любовью к жене маршала де Виллара. Знатная дама позволяла ему ухаживать за собою и изливать свои чувства в стихах, но и только. Особенно страдать от любви Вольтер никогда не был расположен и скоро вылечился от этой неразделенной страсти. Но в женском обществе, в женской заботливости он всегда нуждался и время от времени устраивал себе нечто вроде домашнего очага у той или другой из знакомых дам. Одно время Вольтер был своим человеком в доме маркизы де Мимер, затем сблизился с президентшей де Бернье. Любовь далеко не всегда играла роль в этих сближениях. Ее не было и следа в его дружбе с графиней Фантен-Мартель, умной пожилой женщиной, в доме которой он жил по возвращении из Англии в те промежутки между бегствами, которые ему удавалось проводить в Париже.

Светская жизнь Вольтера по замкам и салонам французской знати не возобновилась более по возвращении на родину. С некоторыми из прежних своих знакомых он порвал навсегда, с другими встречался лишь изредка. Тем сильнее сблизился он с немногими оставшимися у него друзьями: д'Аржанталем, Сидевилем, а также с герцогом Ришелье и некоторыми другими.

В 1732 году Вольтер усиленно твердит о том, что пора любви для него уже прошла (ему 38 лет), остались только дружба да работа. Вместо любовных посланий он пишет теперь и передает г-же Мартель, с верхнего этажа на нижний, шуточные стихи, в которых, расхваливая свою хозяйку, говорит, что ему потому хорошо живется в ее доме, что с ним вместе живет здесь его единственная возлюбленная – свобода и ее сестра – веселость. В это время он встретился с Эмилией Дю Шатле.

Урожденная де Бретейль, она еще ребенком в доме отца видала Вольтера, который был старше ее на двенадцать лет и тогда, конечно, не заметил девочки. В 1725 году она вышла замуж за маркиза Дю Шатле. Вышла без любви – и через два-три года, по неизменному правилу тогдашнего высшего общества, уже сохраняла с мужем лишь чисто формальные, вполне приличные отношения номинальных супругов, связанных общим именем, имущественными отношениями, а также двумя детьми, рожденными в первые годы брака. Муж и жена, впрочем, ни в каком случае не подходили друг другу. Во всех описаниях внутренней жизни этой семьи, ставшей знаменитой со времени присоединения к ней Вольтера, маркиз не играет никакой роли. Добродушный, ограниченный человек, любящий военную службу, охоту и ничего больше, он никому не мешает и никого не интересуется.

Эмилия Дю Шатле была совсем другим человеком. Не говоря уже о ее умственном превосходстве над мужем, она обладала горячим, любящим сердцем. Относясь к браку так же, как и все современницы ее круга, она любила не так, как они. После замужества и еще до встречи с Вольтером у нее был роман, закончившийся быстрым разрывом. Разрыв был в порядке вещей, но он довел Эмилию до серьезной попытки самоубийства, что уж было вовсе не в нравах ее общества.

Оправившись от этой истории, она набросилась с новым жаром на науку, которой была далеко не чужда и прежде. Еще в доме отца она изучила латинский язык и основательно ознакомилась с римскими классиками. Позднее она пристрастилась к математике и метафизике. И

это был не дилетантский интерес к наукам, значительно распространенный среди образованных женщин XVIII века. Г-жа Дю Шатле трудится упорно, серьезно и внимательно, излагает Лейбница и переводит Ньютона.

Ее вторичная встреча с Вольтером относится к 1732 году, а летом 1733 года они уже принадлежат друг другу душой и телом, и обоим кажется, что их прежние связи не были любовью, что они любят в первый раз.

Вольтер действительно любит ее иначе, чем своих прежних возлюбленных. Он снова пишет любовные послания, но в них нет и тени той цинической игривости, которая проявлялась в его прежних произведениях этого рода. С любовью к ней у него соединяются глубокое уважение, восхищение ее умом и характером. Это не только любовь, но вместе и умственное товарищество. Кое в чем они были равны и могли быть товарищами, у нее не было, конечно, и сотой доли его таланта, его разносторонности, его горячий, тотчас же выливающейся на бумагу отзывчивости на все совершающееся в жизни и в духовной сфере. Но по способности усвоения отвлеченнейших результатов философской мысли она была равна ему. Познаниям же в некоторых областях естественных наук и в высшей математике, изученной ею под руководством лучших специалистов того времени, она превосходила своего друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.